

УДК 808.26-541.2

В.И. Сенкевич

ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И ДИСКУРСИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКА/РЕЧИ

Исследование продуктов и произведений речевой деятельности допускает фундаментальное противопоставление единиц и элементов, связанных соответственно с разграничением понятий «множества» и «величины». Интерпретированные в категориях «этическое» и «эмическое» номинативные единицы разнятся дескриптивным и прескриптивным статусом. Дескриптивные названия противопоставляются прескриптивным именам коллективных и единичных субъектов права. Последними создаётся институциональная реальность, где ключевую роль играют деривационные механизмы, регламентирующие деятельность и поведение членов социальных коллективов. Институциональный подход к продуктам деривации открывает перспективу рассмотрения функциональных элементов и номинативных единиц речевой деятельности в экономических категориях ценности и стоимости.

Введение

Язык как система знаков и важнейшее средство человеческого общения отражает универсум – всё присутствующее в действительности и отражённое языковым сознанием. В такой трактовке за основу берётся когнитивным определением языка – универсального знания о действительности. Однако когнитивная сторона языка и основанная на ней коммуникативная функция – это всего лишь видимая часть языкового айсберга. Язык не только средство общения и системный механизм, но и технологически выверенный инструмент культуры и техники. Так, культурологическая теория О. Есперсена о том, что человеческий язык зародился, когда люди ухаживали друг за другом, является одной из полюбившихся теорий, касающихся происхождения языка. «Развитие языка нужно искать не в прозе, а в поэтической стороне жизни. Источник речи – это не печальная важность, а весёлая игра и живая весёлость. В первобытной речи я слышу смеющиеся крики ликования, когда юноши и девушки соперничали друг с другом, чтобы привлечь внимание другого пола, когда все пели самое весёлое и танцевали самое смелое, чтобы соблазнить, чтобы кинуть восхищённые взгляды в сторону другого человека. Язык зародился в период ухаживаний» (Отто Есперсен).

Разграничение в языке аспекта культурологического и всего, что привнесено в него цивилизацией актуальнейшая лингвистическая задача, решение которой опирается на исходные методологические посылки. В качестве подобной посылки может быть рассмотрена, с нашей точки зрения, идея о противопоставлении системного и иерархического плана/асpekта языка и речевой деятельности.

1. Элементы и множества

1.1 Элементы относятся к множеству. Примеры множеств: *множество городов, множество натуральных чисел, множество учащихся 7 классов, множество пчел на клумбе во дворе, множество двоек в дневнике Петрова* и т.д. Местоимение *всё*, будучи самым общим словом в языке, обозначает универсальное множество элементов – универсум: «*это всё*», «*всё это*». Относительно множеств бытуют знания, воспроизводимые, как правило, в обыденном дискурсе при характеристике или оценке определённого положения вещей. Так, о множестве, обозначенного местоимением *всё*, носители языка знают: *Всё относительно. Всё имеет свойство кончаться. Всё познаётся в сравнении. Всё изменяется. За всё надо платить. Всему своё время. Всё пройдёт. Всё будет хорошо; «Всё будет хорошо!» – художественный фильм режиссёра Дмитрия Астрахана,*

снятый в 1995 году. На протяжении фильма герои часто говорят: «Все будет хорошо». Вот она, ключевая фраза, которая вселяет надежду, дарит уверенность в завтрашнем дне, фраза позволяющая мечтам реализовываться (<http://www.kinopoisk.ru/>).

Элементы множества характеризуются регулярностью (правильностью), расположены дискретно (раздельно), используются для счёта и имеют соответствующие свойства. Языковым квантором регулярности выступает в языке местоимение каждый. Так, во множестве «Кирпичи» каждый элемент имеет все свойства других элементов. Относительно элементов множества можно сказать, что «все они на одно лицо», «все они такие». Множеством называется равенство (отношение) соответствующих друг другу элементов. Множеству свойственны отношения порядка. Если задать определённое множество упорядоченным по алфавиту списком, то в нём каждый расположенный отдельно элемент имеет своё место. Присутствовать на своём месте – основное условие отношений порядка.

В любом множестве каждый элемент дан «как таковой (такой)» – имеет свойства, выводимые из его отношений с другими элементами. Каждый элемент может быть определён – получить характеристику. Местоимение *такой* указывает на определение – *такой, который...*; *такой, какой...*, т.е. предполагает определённую характеристику (оценку) предмета (лица); нередко с усилением: *Каков я прежде был, таков и ныне* (Пушкин). *Она такая красивая, такая важная, такая хорошая, такая аккуратная, а он высокий такой – оба такие милые* (Из разговора). *Общее мнение о Белецком было то, что он милый и добродушный мальчик. Может быть, он и действительно был такой* (Л. Толстой. Казаки). Из характерных признаков складывается образ предмета (лица) – его видение другими. Не случайно как обобщение используется сочетание: *таким образом*.

Местоимение *такое* регулярно используется с предметным «что»: *Лаврецкий не сразу понял, что такое он прочёл* (Тургенев. Дворянское гнездо). Вопрос *Что такое?* (*Кто такие?*) – это вопрос о том, что представляет собой предмет (лицо), т.е. вопрос о его образе-представлении. Вопрос *Что такое?* имеет когнитивную направленность и предполагает логическое определение: *Что такое язык? Что такое подлежащее? Что такое сказуемое?* и т.д. *Язык – это важнейшее средство человеческого общения. Подлежащее и сказуемое – это главные члены двусоставного предложения*.

Показательным является использование местоимения *такой* в функции интенсификатора – для обозначения сильной степени свойства или усиления оценки: *Она такая умная, такая красивая...* (Из разг.); *Никогда не думал, что такая* *Может быть тоска на белом свете* (Симонов. Первый снег в окно твоей квартиры).

Языковому сознанию свойственен своеобразный тип обобщающего отчуждения по схеме «Все S есть P»: – *Усе вы такія: як знайшоў абніматку, дак забыўся й родную матку* (Кусянкоў); *Гаркуша ледзь прыкметна ўсміхнуўся. – А ўсе вы такія...* (Кусянкоў); *Усе вы хлусіце. Гаворыце адно, а робіце другое. Мой бацька таксама дома маці кляўся... І ты такі, усе вы такія, я нікому з вас не веру* (Гаўрылькін).

Всему можно дать определение и обо всём сформировать представление. Каждый предмет (лицо) является таким предметом (лицом), потому что имеет свой образ, каким он и представлен в языковом сознании. Нередко представление сопровождается оценкой: *Что же тут такого?* (хорошего или плохого). Наше представление – всегда такое представление.

Языковой интенцией лица является стремление «быть не таким», т.е. отличаться. Отличительными признаками творится своеобразие. *Кричи, кричи, меня не обманешь, не та таковского нарвался!* – сказал Шурка (В. Смирнов. Открытие мира). *Таким та-*

ковским, таковым) бывает всё (ср. *И всё такое ...*), кроме *одного* – того, что им не бывает. Одно обладает самостью – тождеством с самим собой: *Народ сабраўся не такоўскі – Сам Пушкін, Лермантаў, Жукоўскі* (Тарас на Парнасе).

2. Единицы и величины

2.1 Множествам противопоставляются величины: «Существует же только два рода вещей, которые сравниваются между собой: множества и величины» [1, с. 140]. Под величиной понимается то, что может быть измерено, т.е. допускает «большее» и «меньшее» и предусматривает единицу измерения. Единицей называется такой продукт синтеза, который в отличие от элемента обладает всеми качествами, присущими целому, и который является далее неразложимой частью подобного единства.

Величина – категория внутренняя («в себе» величина), обладающая объёмом, т.е. способная вмещать (не содержать!) и быть «вместилищем». Применительно к величинам говорят о мере – размере (*сапоги 45 размера*). Знаменательно, что мерой называется также русская народная единица ёмкости для сыпучих тел, а также сосуд для измерения сыпучих тел, вмещающих количество, равное этой единице ёмкости (*овса три меры*) (МАС). Спецификатор меры – полнота: говорится о (*не*) *полной мере, полумере*.

Противопоставление элемента и единицы замечается в словах *ряд и линия*¹. В ряду упорядоченные элементы имеют положение – располагаются друг относительно друга. В обладающей протяжённостью линии замечается момент последовательного порождения, как, к примеру, в линии родства: *«Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его...»* (Матвея, I, 2).

Между самостоятельными единицами существует непрерывная связь – одинаковость (не равенство!). *Одинаково* – «в такой же самой мере» (МАС). «Единица есть та общая природа, к которой должны быть о д и н а к о в о (разрядка наша – В.С.) приобщены все те вещи, которые сопоставляются между собой» [1, с. 140]. Идея одинаковости воплощается, к примеру, в следующих выражениях: *все как один, один в один, один одного стоит, как на подбор, одного поля ягоды, из одного теста; на один покрой, или одного покроя, одним миром мазаны* и т.п.; ср.: *Один к одному, одна к одной* – о тех, кто одинаково хорош, одинаково крепок и т.д. (МАС); – *Лес-то какой! Деревья одно к одному, словно солдаты стоят!* (Салтыков-Щедрин. Пошехонская сторона); *По соседству с Васюковыми живут Зефировы – старик и три сына. Сыновья – один к одному, крепкие ребята* (С. Антонов. Дело было в Пенькове).

Под одинаковостью подразумевается тождественность: *один (-а,-о)* – «тот же самый»; *одно* – это «одно и то же»: (МАС). Подобно тому, как *всё* обозначает универсальное множество, выражением *одно* свидетельствуется континуальная (лат. *continuum* – непрерывное, сплошное) величина, в которой подмечается тотальность (не общность!).

Всё и одно – центральная антиномия реального мира и познания, ср.: *всё и вся, вокруг да около, сплошь и рядом* и т.п. В парном сочетании *один-единственный* компонент *один* соотносится с неделимой величиной, а слово *единственный* указывает на логическую категорию – число. *Один* в подобных употреблениях не является грамматической категорией – числительным, т.к. не подразумевает натуральный ряд чисел: *один, два, три* и т.д. *Одно* – не результат определения, а искомая величина, полученная в результате сужения и ограничения диапазона поиска: *Жанчыне вялікае шчасце – Адзінага ў свеце любіць* (Дудзюк). *Один* – всегда «только один».

¹ *Линией* называлась русская мера длины, равная 1/10 (ещё раньше 1/12) дюйма, применявшаяся до введения метрической системы (МАС).

Знання обо *всём* не распространяются на *одно*, допускающее восприятие и понимание, ср.: *Всё относительно, кроме одного, – абсолютного; Всё имеет свойство кончатся, кроме одного, – бесконечного; Всё изменяется, кроме одного, – неизменчивого; За всё надо платить, кроме одного, – того, чему необходимо приносить жертву; Всё пройдёт, кроме одного, – непреходящего, вечного.* «Одно» не нуждается в определении: *один* употребляется в значении неопределённое: *Мне вспоминается одна старая история* (Павленко. Сила слова).

Нетрудно заметить, что слово *одно* употребляется в одном контексте с местоимением *то*; ср.: *А мяне супакоіць толькі тая, адна, Што душу маю колісь Азарыла да дна* (Гілевіч). Местоимение *то* выражает идею тождества: *то – тое <самае>* (ср.: пол. *tożsamość*, бел. *атаясаміць* – от сочетания *той самы*). Тождество является необходимой предпосылка мышления: нельзя вообще ничего мыслить, «если не мыслить каждый раз нечто одно...» [2, с. 597]. Тождественное понимается как тотальное недискретное *одно – одно и то же*, противопоставленное переменчивому дескриптивному *иному* (ср.: *то* или *иное*).

В сфере единиц не действует основной принцип познания универсума – «всё познаётся в сравнении». *Одно* не может сравниваться, так как не представлено как элемент множества, а существует в качестве самостоятельной величины – само по себе. Величина допускает только сопоставление. Так, момент сопоставления фигурально описывается в синтагме *Стать (или встать) на одну доску с кем* – уподобиться в каком-л. отношении кому-л. (МАС); С кем, к примеру, сравнить великий поэтов, великих полководцев, великих музыкантов и т.п.? Однако великого Пушкина можно «поставить на одну доску» с великими мира сего – Гомером, Данте и т.п. Всякая величина является величиной абсолютной. Оценочные мнения по принципу «лучше – хуже» не могут быть применимы к тому, что обладает параметром бытия и, следовательно, может быть только описано или названо. В сфере величин есть только «атомы» – бесправные инаковые объекты (индивиды) и институциональные тождественные себе субъекты права (фигуры, бел. постаці) – «*те*».

Сравнение предполагает образ, уподобление – подобие. Выражение «*по образу и подобию*» замечает два типа деятельности – творческой (образ) и креативной (подобие). Метафоры как свёрнутые сравнение и метаморфозы, возникающие как уподобление – средства и инструменты соответственно творческой и креативной деятельности.

Наиболее существенным моментом единицы является её номинативная релевантность. Всякая единица как-то называется: денежные единицы – *рубли, доллар, гривна, злотый* и т.п.; единицы длины – *сажень, локоть, пядь* и т.п., единица измерения информации – *бит* и т.д. Названием обладают административные единицы, хозяйственные единицы и т.п. Особая роль принадлежит социальным (людским) единицам. Подобной единицей является человек как личность – «мера всех вещей», институционализируемая в языке именем собственным. Человеческая единица (не элемент!) – бездонная мера-вместилище, способная придать существующему миру «человеческое» измерение.

3. Ценность и стоимость

3.1 Разграничение элементов и единиц связано с протипопоставлением категорий ценности и стоимости. Семантическим представлением ценности определённого элемента выступают характеристика и оценка. Прагматическое осмысление и презентация стоимости осуществляется также двояко: реально – через название (дескрипцию) и номинально – через именование.

3.1.1 Характеристика предмета (лица) имеет когнитивное основание – знание. Устоявшейся формой «Я знаю <имярек>, как...» характеристика вводится в дискурс: «<Имярек> пользуется со стороны (студентов, преподавателей и т.д.) уважением...»; «<Имярек> показал себя как...» и т.д. Характеристика содержит указание на отличительные регулярные свойства денотата – она всегда для предмета (лица) «своя – другая».

Характеристика не связана с фактом. Так, когда мы говорим: «Глаза у кошек бывают круглые, раскосые и миндалевидные», данное высказывание может быть истинным или ложным в соотнесении с объективным фактом. Это не чьё-либо мнение – данное высказывание объективно с научной точки зрения. Однако если мы скажем «Лучше держать кошку городской квартире, чем собаку», то это суждение основано на мнении и никак не связано с объективными фактами. Предложение *Он пьёт* не описывает факт актуального поглощения спиртосодержащей жидкости, а имеет в виду характерное, регулярно повторяющееся действие – питьё спиртного; ср.: *Он гуляет – он гуляка*. Слова типа *плакальщик, анонимщик, алилуйщик, каверзник, шутник, склочник, взяточник, чаёвник, клеветник, насмешник, фантазёр, паникёр, пасквильянт* и др. принадлежат интенциональным контекстам – контекстам мнения: *Кукушкин прикидывался злым насмешником и безбожником* (Чехов. Рассказ неизвестного человека); *Какой-то пасквильянт нарисовал в смешном виде меня и ещё одну особу, нам обоим близкую* (Чехов. Человек в футляре). – *Пижонов не люблю! А Сашка чистокровный пижон! Сам себе зеркалом служит и собой в себе же любит* (Лавренев. За тех, кто в море).

Характеристики различаются степенью – отношениями «выше/ниже»: *высшая степень, низшая степень; в высшей степени; Он чувствовал себя в высшей степени несчастным человеком* (Чехов. Степь); *Наплевать мне, товарищи, в высшей степени на деньги, на славу и на прочую муру!* (Маяковский. Послание пролетарским поэтам). Степень – количественное исчисление совершенства формы чего-л.: *совершенствовать* – значит делать лучше, улучшать: *совершенствовать свои знания, совершенствовать методы руководства*. Во всех случаях степень предполагает отношение, т.е. сравнение – равенство или неравенство: *в равной степени, степень сравнения*.

Будучи категорией формы, степень изучается в грамматике – используется для определения положения предмета (лица) в системе. Так говорится о *положительной (начальной, нулевой) степени сравнения*. Релевантными для всякого положения служат отношения порядка. Степень может определяться порядковым числительным: *Возвести десять в пятую степень*; ср.: *Орден Отечественной войны второй степени. Диплом сельскохозяйственной выставки третьей степени; Кто-то умер: на красной подушке Первой степени Анна лежит* (Некрасов. Утро). Отношение порядка присутствует в регулирующих документах: «*Положение о порядке перевода студентов и учащихся...*», «*Положение о порядке предоставления скидок со сформированной стоимости обучения студентов*» и т.д. Регулятивную функцию в отношениях порядка выполняют принципы и правила.

3.1.2 «Ценность всегда высказывается в оценке. У нас нет другой формы для её представления». [3, с. 46] Оценка основывается на норме – усреднённом регулятивном образе надлежащего поведения. Так, слово *пьяница* содержит оценку, в основание которой положена социальная норма – трезвость (*Трезвость – норма жизни*). Несоответствие норме привлекает внимание; в языковом сознании присутствуют нормативные представления относительно положения вещей. Оценка отражает общественное мнение – представление о действительности. Мнение как сообщение содержит только образ действительности, однако не является носителем информации. Не будучи связанной с фак-

том, оценка не верифицируется с точки зрения подлинности (истинности) референта, а предполагает план «правды» – соответствие/несоответствие сказанного о ком-(чём-)либо. Так, можно оценить правдивость таких высказываний, как *русские ленивые, евреи хитрые, чукчи примитивные, чеченцы жестокие, цыгане – воры* и т.д.

Основанные на мнении слова-характеристики типа *пьяница, гуляка, домосед, умница* и т.д. всегда ассоциируется с оценочным предикатом: *пьяница* – это плохо, *умница* – это хорошо. В принципе, любая характеристика может быть соотнесена со знанием о том, «что такое хорошо, что такое плохо». Оценочные характеристики выполняют регулятивную функцию – направлены на нормализацию поведения членов (элементов) общества (множества). Образующие систему элементы приводятся к нормативному положению, т.е. подчиняются: *норме – нормы поведения, нормы литературного языка* и т.д.

Присутствующие в сознании человека элементы – знания, мнения, убеждения, оценки – образуют когнитивную (иначе концептуальную) область языка. Из когнитивных представлений складывается дискурс – рассудочная речь, используемая как средство общения. Пример дискурса: – *Позвольте, Сергей Васильевич, – перебила его Варя. – Вот вы говорите, что ученикам трудно. А кто виноват, позвольте вас спросить? Например, вы задаёте ученикам восьмого класса сочинение на тему: «Пушкин как психолог». Во-первых, нельзя задавать таких трудных тем, а во-вторых, какой же Пушкин психолог? Ну, Щедрин или, положим, Достоевский – другое дело, а Пушкин великий поэт и больше ничего.* (А.П. Чехов. Учитель словесности).

4. Этическое и эмическое

4.1 Восприятие величин не связано с отношением и, следовательно, с оценкой – мнением о ценности. Прагматическое осмыслением величин осуществляется в категории стоимости. Выделяется два уровня подобного осмысления – этический («тварный» – уровень бесправного объекта) и эмический (институциональный – уровень субъекта права).

4.1.2 Этический уровень восприятия получает в языке дескриптивное и интерпретационное осуществление. Этический объект описывается, во-первых, как явление объективного мира, во-вторых, как феномен мира субъективного. С подобной двоякой интерпретацией связано разграничение двух позиций говорящего: постороннего наблюдателя и непосредственного участника событий. Первая («зрительная позиция») объективирует восприятие факта. Индивид («этот») не входит в сферу личной заинтересованности говорящего: *А хіба сапраўдны амерыканец (японец, кітаец, немец і г.д.) скажа пра сваю радзіму: «у гэтай краіне». Як бы яму цяжка ні было, ён ведае – гэта яго радзіма, а радзіму адна, яе не выбіраюць* (ЛІМ).

Фактографической является, к примеру, позиция врача, описывающего состояние пациента: *Жалоб нет* – факт. *Живот мягкий, безболезненный при пальпации* – факт. *Печень и селезёнка не пальтируются* – факт. Отстранённую позицию занимает учёный, описывая объективные факты: «Но они (учёные) прохлаждаются в тени: во всём хотят быть только зрителями и остерегаются сидеть там, где солнце распялет ступни (Ф. Ницше. Так говорил Заратустра). Взгляд со стороны, записки постороннего, не воспринимающего ситуацию изнутри, порождают пейзажные и портретные зарисовки, возникающие как результат первичного контакта с объектом: *Тихая августовская ночь. С поля медленно поднимается туман и матовой пеленой застилает все доступное для глаза. Освещённый луною, этот туман даёт впечатление то спокойного, беспредельного моря, то громадной белой стены. В воздухе сыро и холодно. Утро ещё далеко.* (Чехов. Мёртвое тело). Несколькими штрихами рисуется портрет: *Полдень. Управляющий «зверинца братьев Пих-*

нау», *отставной портупей-юнкер Егор Сюсин, здоровнейший парень с обрюзглым, испитым лицом, в грязной сорочке и в засаленном фартуке, уже пьян* (Чехов. Циник).

4.1.3 Отстранённость – «бесчеловечный» взгляд на мир. Однако повествователю с трудом удаётся оставаться безучастным – не реагирующим на реальность и не проявляющим к ней интереса. Реальность провоцирует участие – совместное переживание ситуации. Зритель как бы становится в позицию актёра – заинтересованного участника дела; так бывает, например, в докторском «мы»: *И как мы себя сегодня чувствуем*). При смене позиции наблюдателя на позицию участника фрагменты реального мира не столько описываются, сколько эмоционально интерпретируются. Проявляется этос наратора – его *приятие* реальности или *отвращение* от неё.

Приятие находит выражение в употреблении модифицированных дескриптивов, сопровождаемых позитивными эмоциями: *Гриша, маленький, семилетний карапузик, стоял около кухонной двери и заглядывал в замочную скважину* (Чехов. Кухарка женится). По сути подобная интерпретация является субъективным реагированием на объект. Субъективные феномены (ощущения) существуют лишь постольку, поскольку они существуют в опыте живых существ: боль – всегда «*моя боль*».

Этический объект эмпатически сливается с реципиентом, ощущается им как неделимая собственности: – *Родны мой!.. Быў ты у мяне адзін!.. І адзін астаўся... Ты – толькі адзін!.. Ты ў мяне і цяпер адзін, адна радасць. Толькі адзін. Адзін – любы, адзін – родны, адзін на ўсім свеце* (Мележ). *А быць можа – хто знае! – гэта ты і была. Ты адзіная ў свеце, Лёс мой, зорка мая* (Гілевіч). Субъективный взгляд выражает местоимение *мой*. Эмоциональная презентация личного состояния (собственности) в речи отмечается необычайной калейдоскопичностью и выразительностью: – *Чые дзеткі харазэйшыя? – Мае, – кажэ сава, – лупаценькія і кашлаценькія* (3 нар.); *Мой сыноч самы ўдалы нарадзіўся. Ах, ні ў кога няма такіх дзетак, як мой!* (Місько). «*А можа, там і мой шалапут ляжыць, а можа і мой?*» – *кальнула ў сэрца жахлівая думка* (Шахавец); Субъективация – распространение понятия собственности на объект – известная поэтическая мелиративная фигура речи: *Мая зямля, зямелечка, зямліца. Стаміўся я, дазволь мне прытуліцца Да баравых тваіх зялёных скроняў* (Далідовіч).

4.1.4 Эмпатическому ощущению слияния с объектом противопоставляется эмоциональное неприятие и элиминирование объекта («этого»). Инаковость сопровождается эмоцией вражды. Объект изгоняется из личного опыта, не допускается в сферу личных интересов: – *А гэты... Гэты... Навошта ён нам? Ён жа лішнім будзе!* (Каліна). – *Ах, абразіла каралевіча! Носяцца з гэтым вырадкам!..* (Каліна). – *А божа ж мой, бацюхны мае! Навошта мяне пакараў гэтай, тудэма-сюдэма, п'яніцай, гэтай куксамордай, гэтай... гэтай* (Купала). *Не раз і не два штоночы згадвала яна (Маня) Ганну з такой нянавісцю, што не магла вымавіць яе імя, не знаходзіла, здавалася, вартых слоў. – Знайшоў каго!.. Ету с-сучку? Ету... Ету...* (Мележ).

4.2 Резюмирующим моментом объективированного восприятия является диагностическая дескрипция – название. В отличие от имени название традиционно закрепляется за индивидуальным объектом или классом объектов. Так, позитивным результатом диагностики-осмотра состояния пациента является дескрипция *здоров*. Референты с подобным названием не образуют систему, однако составляют категорию, входящую в известную иерархию *больные, выздоравливающие, здоровые*. Созданием диагностической дескрипции осуществляется таксономия (от греч. *taksis* «последовательное размещение») *пotos* «закон») – естественная классификация реальности, обладающая иерархическим строением. Названия реалит (типа *волк, заяц, берёза* и т.п.) являются результатом их ди-

агностической дескриптивизации – таксономии натуральных классов. В названии воплощается схваченная восприятием информация о референте, открывающая возможность идентифицировать его принадлежность к той или иной таксономической категории. Сведения о названном референте добываются обычно в результате этимологического поиска. Так, название *река* мотивировано качеством «текучесть»; это название обнаруживает связь с др.-инд. *rayas* «течение, ток», *riyate* «двигается, начинает течь», *ritis* «ток, бег», *retas* «течение», *rinās* «текущий», галльск. *Renis* «Рейн», ирл. ср.: *rián* «река, дорога», лат. *rivus* «ручей, канава», др.-ирл. *riathor* «бурный поток», англ. диал. *rithe* и ср.-нж.-нем. *rin* «ток воды» (Фасмер).

Процедура диагностической таксономии – своего рода резюмирование, «навешивание ярлыка» на данные опыта. Названная процедура широко применяется в речевой практике и квалифицируется как спекулятивным обхождением с деривационными механизмами языка. Акт «навешивания» ярлыка как приём речевой дискриминации референта повсеместно практикуется в сфере политики. Так, печально известными являются политические ярлыки: – *Аж страх бярэ – як лёгка цяпер некаторыя вешаюць людзям усякія ярлыкі. Скажэ – «вораг», «нацдэм», «прыслужнік фашызму», – і яму хоць бы што!* (Мележ). Известно, что подобный акт спекулятивного употребления дескрипции имел юридические последствия для референта: *Ты кулак – значыць вінаваты. Зна-чыць ніхто з табой і не пагаворыць як з чалавекам. Бьццам пракляцце якое; Божа, дык што ж гэта за пракляцце такое нада мною вісіць, што замкляймо нязводнае – кулак* (Сіпакоў).

Актуальным ярлыком современной речи является дескриптив *мафия*: «Слово «мафия» уже до такой степени вошло в наш лексикон, что, скажи кому-нибудь, вздохнув: «Куда денешься – мафия...», – тебя не спросят: «Что, тревожно в Италии, да?». Мы сжились с этим словом настолько, что к чему только и кому его не приклеиваем. К магазинам, НИИ, баням, кафедрам, творческим союзам, больницам, пивным палаткам, сантехникам, дипломатам, проституткам, мясникам, шахматистам, билетным кассирам; к городам, областям, республикам, к незаметным на карте поселкам и к столичным центрам» (<http://www.sb.by/post/12703/>). Отмеченное употребление слова *мафия* – убедительный пример спекулятивной категоризации.

С восприятием и интерпретацией величин связано явление, принадлежащее этому речевому уровню, величание – номинативная презентация достоинств референтов: *великий мыслитель, великий полководец, великий музыкант; великие мира сего; величина* «о человеке, выдающемся в какой-л. области»; *звезда первой величины* «о человеке, прославившемся в какой-л. сфере деятельности» (МАС); *Медведева открыла, угадала и дала театру звезду первой величины – Ермолову* (Щепкина-Куперник. Театр в моей жизни).

Величание (иначе хвала) является этимологически ориентированным – связано с происхождением референта («чей он?»). Издавна человек величается по отчеству: – *А мы из города Владимира, тамошние мещане. Звать Макаром, а величают Семеновичем* (Л. Толстой. Бог правду видит, да не скоро скажет). Противоположное хвале явление – хула: ср.: *сукин сын* (бран.).

Наиболее выразительно таксономическая интерпретирующая диагностика замечается в индивидуальных дескрипциях – прозвищах. Главенствующую роль в подобной диагностике играет понятие стандарта. Факты индивидуальной нестандартности референтов противоречат принятым социумом и закрепившимся традицией эталонам, что непременно выходит в сферу номинацию: открывается креативный номинативный ресурс и происходит мастерская номинативная интерпретация всякого рода индивидуальных отклонений. Необычность референтов порождает праздный интерес, бросается в глаза и за-

мечаецца в прозвішце: *Сутулавата здаравенны дзядзька Дзюб, мянушка з-за доўгага носа* (Брыль); *Кукса, Полтора-Ивана* (неполная мера), *Помидор* (чрезмерно красный) и т.п.

Предпосылкой возникновения прозвища является реальное подобие: *Увесь твар Пацука ў зморичках, з сінімі жылкамі на шчоках, быў непрыемны. Асабліва непрыемнымі былі вочы – маленькія і калючыя. Задаўшы пытанне, ён выцягваў сваю пацучыную мордачку, нібы хацеў улезці ў рот суразмоўніку* (Чарнышэвіч); *Той славуты Жаба меў вялікі, сапраўды жабін рот і лупатыя вочы, у ягоным рыпучым голасе пасля кожнага гука «ф» прыляталася яшчэ і «л» – трлявай, трляцу з хварлёбай табе* (Валасевіч); *У маладога лесніка спераду тырчаць два вялікія зубы, а над імі яшчэ і рыжыя вусікі. Празвалі яго Нутрыя* (Брыль); *Жонка – румяная жанчына, нібыта налітая тугім саракагадовым здароўем, мае за гэта мянушку – Вішня* (Лужанін). Прозвища не только интерпретируют противоречие с принятыми в социуме стандартами, но и сами принадлежат к категории нестандартных номинаций локального распространения.

4.2.1 Эмический аспект восприятия целосной единицы связан с категорией имени и институционализацией референта. На смену диагностическим дескрипциям приходят прескрипции – институты. Под институтом понимается любая принятая неким коллективом совокупность практик (процедур), открывающая возможность создавать институциональные факты. Такие факты обычно подводятся под формулу «*X* принимается за *Y* в контексте *C*». Институционализацией называется акты приписывания референту (*X*) особого статуса (*Y*), наделяющего референта полномочиями на выполнение тех или иных статусных ролей. В качестве необходимого условия данный статус требует, чтобы его приписывали. Так, когда мы приписываем статусную роль *Y* некоторому предмету или человеку *X*, мы обычно создаем ситуацию, в которой принимаем, что человек *S*, находящийся в соответствующем отношении к *X*, таков, что *S* обладает полномочиями осуществлять *A* [4]. Человек обладает способностью, которой не обладают другие животные, а именно наделять статусной ролью объекты, которые не могут исполнять эти роли только благодаря своим физическим свойствам. Это происходит благодаря тому, что индивид (объект) становится обладателем того или иного статуса, т.е. наделяется статусной ролью. Индивид обретает роль и становится полномочным, только благодаря предписыванию ему известного статуса. Тот или иной статус референты обретают не иначе как через акт устанавливающего (учреждающего) приписывания. Подобного рода приписывание является не дескриптивным (описательным), а прескриптивным (предписывающим). Одновременно с установлением известного статуса, референт наделяется той или иной статусной ролью, регламентирующей его ролевые акты как должные и необходимые. Деонтологический момент должностования воплощён в номинации *должность*. Всякая должность является должностью не «по природе», а «по установлению», т.е. отражает аспект становления – кто-то стал кем-то, а не родился им: *Назваўся груздем, ползай в кузов*.

4.2.2 *Коллективная институционализация*. Акты именованья (наречения) есть не что иное, как коллективное приписывание референтам статусных ролей: *И детей они / В их младые дни / Нарекли невестой с женихом* (А.К. Толстой. Коринфская невеста); (Самозванец): *А кого / Наследником наречь намерен он?* (Пушкин. Борис Годунов). Сам акт наречения является актом перформативным. Нет иного способа наречь, как только произнести «*Нарекаю...*». Произношение есть осуществление социального акта, обладающего юридической и моральной перспективой. Вместе с актом наречения референт обретает те или иные деонтические полномочия. Предписания должного исполнения субъектом роли «вгоняют» индивида в установленный поведенческий образец. Социум смотрит на носителя нарицательного имени через призму этого имени, т.е. в связи

с теми или иными аспектациями – социальными санкциями, регламентирующими тип поведения субъектов, адекватный их статусным ролям. Коллективные эспектации предусматривают известный социальный эталон (стандарт), в сопоставлении с которым устанавливается *нарицательная стоимость*² агентов.

Коллективные аспектации – известного рода социальное измерение качественного состояния членов социума. Допускаются два момента подобного измерения: совпадение с принятым эталоном и несовпадение с ним; ср.: – *Ну які ты жаніх! – аж закіпеў бацька. – Які ты жаніх!* (Мележ); – *От это – кавалер! – пахвалілі ў палаце* (Каліна).

Нарицательное имя – выданное социальное удостоверение субъекта, наделённого теми или иными полномочиями. Подлинность подобного удостоверения непрерывно верифицируется социальной средой. – *Ты ж лейтэнант! Чаму ляжыш? Камандуйце напластунску наперад!* (Быкаў). – *Мы во бабы і то... А ты ж франтавік* (Барысевіч). *На тое яны і мужчыны!* (Гігевіч). Обладатель статусной роли вынужден доказывать и оправдывать собственную нарицательную стоимость – достоинство, ориентироваться на социальный динамический стереотип: *Я салдат. І не дзеля таго я апрануў ваенную форму, каб толькі пра тое і думаць, як у царкву вырвацца. Салдат, веруючы ён ці атэіст, заўсёды павінен быць гатовы ўзяць у рукі зброю, абараніць сваю зямлю ад ворага* (Зданюк).

Экономическим термином *достоинство* отмечается не только нарицательная стоимость ценных бумаг (*Облигация достоинством в 50 рублей*), но и «удельный вес» субъектов права: *За победы у Гжатска, Царева Займица, Духовщины он (Платов) был возведён в графское достоинство* (Никулин. России верные сыны). Пол. *Godność* не только ‘*świadomość własnej wartości, szacunek dla samego siebie; дума*’, но титул: *Nie było między nimi ani jednego, który by jakąś godnością zaszczycony nie był lub przynajmniej tytułu nie używał* (Krasz. Kołk) *Wyniesiony na godność wojewody lubelskiego, pomnożył znacznie swe majątności* (Śliw. A Sob.). Достоинство как нарицательная стоимость субъекта не может не учитываться в общении с ним: *Pan Kokosiński posunął się krok naprzód, chrząknął i tak rozpoczął: – Jasnie wielmożna panno podkomorzanko... – Łowczanko – poprawił Kmicic. – Jasnie wielmożna panno łowczanko, a nam wielce miłościwa dobrodziejko! – powtórzył zmieszany pan Jaromir – wybacz waćpana, leżeliśmy się w godności pomylił...* (H. Sienkiewicz. Potop).

Нарицательной стоимостью свидетельствуется фамилией – семейным наименованием человека. Фамилия (семья) – коллективная единица, обладающая правовым статусом. Известно, что в древнем мире фамилией называли хозяйственно-юридическую единицу, в которую, помимо кровных родственников, входили и рабы (МАС). Наблюдается известного рода параллелизм между названиями дескриптивных (фактических) и институциональных (юридических) систематических категорий: ср.: *волк* (особь из семейства волков); *Волк* (член семьи, носящей фамилию *Волк*); *Семейство оленей. Семейство злаковых. Семейство бобовых. Семья скворцов. Семья бобров. Волчья семья*, но: *семья Волковых, семья Толстых* и т.п. В польском языке термин *godność* употребляется в вопросе о фамилии: *Pańska godność? A jak Pana (pańska) godność?: Pańska godność, jeśli wolno wiedzieć?* (Brand. K. Sams. 9).

Способность нарицательного семейного имени удостоверить нарицательную стоимости референта эксплуатируется в так называемых «говорящих» фамилиях: *Из громкоговорителя раздаётся, перекрывая шум сутолоки, требовательное распоряжение: «Предприниматели Нищенко и Конейка, зайдите в администрацию рынка!».* *Ничего себе, какие говорящие фамилии. Нарочно не придумаешь... При Грибоедове, пом-*

² Нарлицательная стоимость (экон.) – стоимость, обозначенная на ценных бумагах, монетах (МАС).

нится, в моде были молодые перспективные чиновники Молчалины. А как теперь насчет, например, заматерелых Мздоимчиковых? Впрочем, сия порода не переводится ни при каких властях, у нее корни глубоко исторические. Клан от периода к периоду то сильнее, то слабее. Сейчас, как уверяет народная молва, он в фаворе у судьбы: от пристрастий служилых персон ко взяткам плачут и Богатенькие, и Лимузинские, и Крутовичи. Ведь даже Аллу Борисовну Пугачеву с некоторых пор обожатели любят уже просто как мадам Брошкину (Людмила Маслюкова. Бизнесмен Нищенко и другие. (<http://www.sb.by/post/12703/>)). Факт употребления «говорящих» фамилий в драматургии свидетельствует их ролевой (а не функциональной!) статус.

Увеличение нарицательной стоимости категориального имени связан с его типизацией – выходом за пределы семейного коллектива: [Грушницкий] *стоит Максима Максимыча: подобно ему, это тип, представитель целого разряда людей, имя нарицательное* (Белинский. Герой нашего времени. Соч. М. Лермонтова); *Давно Седин стал нарицательным именем: судьба армии Наполеона III, окружённой пруссаками, приводилась как пример бесславного поражения* (Эренбург. Трудный путь).

Момент «спекуляции на повышение (или понижение)» достоинства наблюдается в перифразе: (Глушак): – *Разумны ты чалавек, Андрэйко! Як сказаў, аж заслухацца можна. Калінін чысты!* (Мележ. Людзі на балоце). *Сярод таварышаў Сцётка выдзяляўся сваёй стараннасцю ў навуцы, сваёй сталасцю і сур'ёзнасцю. За гэта яго прызвалі другім Ламаносавым, тым больш, што ён не пабаяўся пайсці пяхотам цэлых сто вёрст, каб пасупіць нка рабфак* (Я. Колас); [Произведения Хераскова] *долго составляли предмет удивления для современников и потомков, которые величали его русским Гомером и Виргилием* (Белинский, Литературные мечтания). Ср.: *Я не мог прызнаць у ім Яўгена Пятровіча: зарослы, нямыты Рабінзон у бруднай вопратцы, у нейкіх атопках на нагах* (А. Фомчанка).

4.2.3 *Личностная институционализация.* Институт имени собственного связан с приписыванием и выражением личного достоинства («себестоимости») субъектов как самодостаточных социальных единиц. «До имени человек не есть ещё, ни для себя, ни для других, не есть субъект личных отношений, не есть член общества, а только возможность человека, обещание такового, зародыш» [5, с. 62]. Осмысление личностного достоинства субъекта неизменно проявляется в употреблении его собственного имени, например, в употреблении его полной и сокращённой формулы. «Імя, – піша Ян Скрыган, – ...заслугоўвае, каб яго шанавалі і лічылі на першым месцы, каб яго вымаўлялі, а не падменьвалі ініцыяламі... Паглядзіце, як аўтарытэтна і ганарова гучаць *Аляксандр Пушкін, Леў Талстой, Янка Купала, Якуб Колас*» [6, с. 231].

Связанные с собственным именем социальные прескрипции – явление, известное всем народам Земли. *Булат* (сорт стали) – имя, употребляемое многими народами Азии. Именем «даётся установка» на славу (известность), могущество: *Станислав, Владислав, Мстислав, Бронислав, Всеволод, Владимир* и т.п. Ср: идеологизированные эксперименты: *Любитина* (любви истину), *Ревмир* (революция мировая), *Марлен* – Маркс-Ленин) *Кіна-механік тут фігура! Самі пабачыце. А як яго імя, ніколі не здагадаецца: Молат; Праўда, Молат Дзмітрыевіч. Самае індустрыяльнае імя ўляпілі бацькі на ўсё жыццё* (Грахоўскі).

5. Смешение единиц и элементов в языке/речи

5.1 В дискурсивной идеологизированной речи нередко встечаются факты дескридетации – трактовки конкретного референта не в качестве единицы, принадлежащей к известному социальному континууму (напр., партии, органам власти и т.п.), а представление его как элемента определённого множества. Такую деклассирующую функцию выполняет, например, квантор регулярности местоимение *каждый*: *Зноў стрымаў*

сябе Васіль, як бы скардзячыся некаму са здзеклівай непашанай прамовіў – кажны прыходзіць, кажны камандуе. Каму ахвота! Кажны ўласць над табой! <...> У ім (Міканоры) жыло, шчымела. «Кажны» камандуе, каму ахвота...». Думаў помсліва, люта: «Я пакажу табе – <...>. Араб які, ці – уладай пастаўлены за сяло адказваць» (І. Мележ. Пых навалыніцы).

Взгляд на человеческую единицу как на элемент (в значении «представитель») дескредитирует (деклассирует) личность как субъекта права: *деклассированные элементы, пролетарские элементы; остальные элементы*, ср.: *женский элемент* – женщины, *мужской элемент* – мужчины (МАС); *В особенности замечательно в нем (городе С.) преобладание женского элемента над мужским* (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки).

Употреблённое по отношению к субъекту слово *элемент* представляет человека не как единицу, обладающую собственным или «классовым» достоинством, а как представителя определённого множества однородных элементов. Деклассирующее значение слово *элемент* получает, например, в большевицком социалекте: *Таму і раішэнне прынята такое: «Неабходна вырваць з каранем той элемент, які перашкаджае справе калектывізацыі»* (Ліпскі); – *Там я – Ваня Паўлуха. Там я не мечаны, а тут... Тут я чужы, класавы, не табе казаць які элемент* (Гроднеў); – *А ты... Своечасова не перасцерагаеш замыслы і падкопы. Значыць заадно з варожым элементам* (Далідовіч); – *А скуль ведаю, што за артыкул? – адказваю без хітрыкаў. «СНЭ» – проста і неяк злобна ўдакладняе вайсковецю «савецкі чалавек?» – здзіўішыся, мармычу сабе пад нос. «Дурная! Сацыяльна-небяспечны элемент», – словы аднастайна і ліпка выстрэльваюць адно за адным* (Зарка). *Гэтаксама як Элемент, нядаўні чырвонаармеец-будзёнавец меў другое, але таксама сваё слоўца: «элемент», найбольш – «кулацкі элемент»* (Вышыньскі); *Рэй вёў сакратар партыі на ідэалогіі – Таварышы свядомыя і несвядомыя элементы, – пранізваў ён маленькімі вочкамі янкавінскі гурт. А заадно гэтым сваім «несвядомыя элементы» наганяў шораху* (Далідовіч); – *У цябе пад носам варожыя элементы звіль сабатажнае гняздо, а ты і вокам не павёў* (Асіпенка); – *Што далей, то больш: чаму ў партыі аказаліся элементы з заможнай праслойкі, элементы э з цёмным прошлым, элементы, якія злучыліся з класавы чуждымі элементамі* (Мележ).

Дискредитирующей оказывается сама идея размножения: – *Развялося вас, экспэрыментаараў ... Разагнаў бы я вас палавіну, можа хоць бы дзе людскае што зрабілі...* (Гігевіч); – *Сціхні ты?.. – урэшце разлаваўся Сяргей. – Многа вас такіх, з міліцыяй* (Кажадуб); – *Этаго цвету хапае, – маці Глушака паставіла чапляу ў кут* (Мележ); – *Этага цвету на ўсяму свету, – сказаў Іван* (Савоська); – *Знойдзецца яшчэ на маю шыю хамут. Чаго-чаго, а гэтага дабра (баб) у Бярозаўцы – навалам* (Гігевіч). «Всякий человеческий интерес и всякая оценка, всё, что имеет значение для человека, относится к единичному, однократному. Вспомним, как быстро притупляется наше чувство, когда предмет его умножается или когда выясняется, что есть тысяча однородных с ним предметов... На единичности, не несравнимости предмета основываются все наши чувства ценности» [7, с. 328].

Функцию дескредитации может выполнять грамматическая категория числа, используемая по отношению к единицам: «число – это метод объединения раздельностей вне их качественных различий»: *Такіх Марусяў, – хоць гаць гаці, а інтэлігентак, як вось гэта, на пальцах палічыць...* (Кусянкоў); *Для прыдворных савецкіх герадотаў гісторыя заўсёды была перакулена ў мінулае* («Бел. мінуўшчына»); *Яны (бальшавікі) клікалі люд; сваіх дзетак, родзічаў, знаёмых-аднадумцаў паслалі вучыцца на вучоньх, інжынераў, урачоў, музыкантаў, зачыняючы дзверы перад носам Маням і Ваням як «прадстаўнікам*

былой пануючай нацыі». Ідзе прадуманы разгром краіны, а Мані і Вані ператвараюцца ў рабсілу... (Далідовіч); Не, выжыць можна толькі дома! Дома можна адкупіцца праз Якімкіных (Шамякін); – Ад папугайскіх Джонаў, Клейнаў, Эленаў трэба адмовіцца раз і назаўсёды (Федарэнка); – А там – Чарнаштаны ды Гайлісы. Мяккацеласць. Апартаментызм. Правы ўхл (Мележ); – Да чорта ўсе Берыі і Паўлы Паўлавічы, усё да чорта (Супрунчук); – Будзе зямля добрая – будзе ўсё!.. Няхай пасмяюцца тады ўсялякія Карчы ды Ігнацікі! (Мележ) [8, с. 710].

Выводы

Функциональные и номинативные аспекты языка/речи представлены и находят воплощение в фундаментально противоположных сущностях и концептах, сводимых к понятиям «множества» и «величины». Соответственно выделяются функциональные элементы и номинативные единицы, различающиеся коммуникативным назначением и номинативным статусом в зависимости от плана отражения и уровня восприятия реальности. К величинам принадлежат диагностирующие дескрипции – индивидуальные и коллективные (классовые) названия. Дескриптивные объективирующие названия и дескрипции интерпретирующего типа регламентируются стереотипными естественными институтами: традицией, обычаем, привычкой. Институциональным (прескриптивным) статусом обладают имена собственные и нарицательные. Многочисленные прагматические эфигуры речевой деятельности связаны со спекулятивной эксплуатацией деривационных механизмов, «играющих» как на повышение, так и на понижение статуса референтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декарт, Р. Правила для руководства ума. Мир или Трактат о свете / Р. Декарт // Соч. в 2 т. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
2. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1976. – 720 с.
3. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
4. Серл, Дж. Что такое институт? / Дж. Серл // Вопросы экономики. – 2007, № 8. – С. 5–27.
5. Флоренский, П. Имена / П. Флоренский // Малое собр. соч. Вып.1. – Кострома, 1993. – 216 с.
6. Скрыган, Я. Имя / Я. Скрыган // Некалькі хвілін чужога жыцця : апавяданні, успаміны, роздум. – Мінск : Маст. літ., 1990. – С. 229–232.
7. Виндельбанд, В. Прелюдии / В. Виндельбанд. – СПб, 1904. – 176 с.
8. Лосев, А.Ф. Бытие. Имя. Космос / А.Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 958 с.

Senkevich V.I. Textual Units and Discourse Elements of Language/Speech

Research of the products and results of speaking activity supposes fundamental opposition of units and elements connected according to the differentiation of concepts of «set» and «size». Interpreted in categories «ethical» and «emical» nominative units differ by their descriptive and prescriptive status. Descriptive names are opposed to prescriptive names of collective and individual subjects of the right. The latter create the institutional reality, where the key role is played by derivational mechanisms regulating activity and behaviour of members of social collectives. Institutional approach to derivation products opens prospects for consideration of functional elements and nominative units of speaking activity in economic categories of value and cost.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 03.09.2012